

Красильников Сергей Александрович,

профессор, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, доктор исторических наук

ЧЕКИСТЫ ПРОТИВ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ДЕЛА О ЗАПАДНОСИБИРСКОМ БЕЛОГВАРДЕЙСКОМ ЗАГОВОРЕ» 1933 Г.)¹

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00170).

1933-й год традиционно ассоциируется в отечественной истории с событиями массовой голодной смертности в стране, затронувшей, по оценкам российских и зарубежных демографов жизни и судьбы не менее шести – семи миллионов человек. Вместе с тем, демографическая катастрофа оставила «в тени» другое важное измерение событий этого года – репрессивно- дискриминационное, перманентно продолжавшиеся с 1928 г. «вскрытия и ликвидации контрреволюционных заговоров» в различных сферах экономики, политики, культуры, чаще всего облаченных во «вредительство», объявленное новой формой классовой борьбы. Серию публичных политических процессов типа «Шахтинского» (1928) или «Промпартии» (1930) продолжил судебный процесс над группой зарубежных и отечественных специалистов в области электро- и теплотехники («Метро-Виккерс», 1933). Основной социальной средой, которую власть продолжала считать носителями «внутренней контрреволюции», объявлялась пестрая категория «бывших», а внутри нее – группа, обозначенная как «старая интеллигенция».

Данное исследование имеет целью рассмотреть причины, технологию и последствия карательного «изъятия» путем арестов, следствия и приговоров (расстрельных и лагерных) группы научной интеллигенции Западносибирского региона, обвиненной, наряду с другими, так называемыми бывшими офицерами, политическими деятелями антибольшевистских правительств и партий в организации «белогвардейского заговора» (1933). Данный «заговор» объявлялся руководящим центром других «заговоров», вызвавших в первой половине 1933 г. аресты нескольких тысяч специалистов, простых служащих, крестьян в сферах лесного и сельскохозяйственного производства Западной Сибири. Источниковой базой работы служит делопроизводственная документация спецслужб (архив Управления ФСБ РФ по Новосибирской области), а также документы и материалы Государственного архива Новосибирской области. Историография проблемы незначительна и включает в себя несколько статей и справочных публикаций [1. С. 59 62; 2. С. 379 393], а также раздел в сборнике документов, где частично нашли отражение материалы следствия ОГПУ (1933) и надзорного производства (1957–1958 гг.) [3. С. 144–209, 272 303].

Исследователю, работающему с документами чекистского следствия 1920-х – 1930-х годов, равно как и позднейших десятилетий советской эпохи, необходимо представлять себе причину осуществления массовых, групповых и единичных репрессий в отношении так называемых целевых объектов, то есть тех, против кого карательные органы осуществляли «изъятие» (данный термин выступает чекистским эвфемизмом репрессий в различных формах). Базовым основанием репрессивной политики выступало то, что следовало назвать охранительностью, когда, в отличие от функции защиты безопасности общества и государственных институтов от реальных носителей угроз, карательные органы осуществляли охрану органов власти в лице ее руководителей и исполнителей. Интеллигенция по своей природе и функциональной принадлежности к выполнению социокультурных функций не должна была быть отнесена к опасной категории, однако для охранительных целей она подходила практически идеально. Предъявить обвинения в «контрреволюционных, антисоветских, вредительских» и иных действиях прагматически оказывалось более простым и результативным делом именно в отношении групп интеллигенции и отдельных входивших в нее лиц.

Научная интеллигенция в 1920 – 1930-е годы оказывалась в группе «риска», как правило, в силу того, что из-за своей немногочисленности и обладания высоким профессионализмом была востребована как властью, так и массовыми социальными слоями, вовлеченными в экономические, культурные, образовательные процессы.

Обратной стороной востребованности и высокого социального статуса становилась опасность утратить все это в результате действия достаточно субъективных причин (намерений носителей власти и охранявшего их интересы карательного аппарата). Для ученых принципиально важным условием их профессиональной деятельности является создание интеллектуальной среды общения, коммуникационных связей. Жизнедеятельность научной корпорации в городах Западной Сибири в изучаемый период имела свои особенности: Томск являлся признанным региональным центром образования и науки, Омск – сформировавшимся вузовским городом. Новосибирск в начале 1930-х гг. будучи краевым административно-политическим центром обладал относительно небольшим научно-образовательным потенциалом: здесь только создавалась сеть ВУЗов и отраслевых научно-исследовательских учреждений (НИУ).

Особенностью научной интеллигенции, находившейся в Новосибирске, было то, что недостаток институциональной основы (ВУЗов и НИУ) в определенной степени компенсировался концентрацией в городе учреждений краевого масштаба (так называемых Сибов), деятельность которых требовала интеллектуального обеспечения. Сюда из других городов Сибири перемещались, как правило, добровольно и в силу личной заинтересованности известные ученые, деятели культуры. Структуры земельного, промышленно-транспортного, планового, культурного и других краевых управлений наполнялись квалифицированными специалистами, значительная часть которых сочетала служебную работу с научной.

Активно формировавшаяся в Новосибирске во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов культурно-интеллектуальная среда имела ряд характерных черт, делавших ее участников достаточно уязвимыми с точки зрения охранительности. Так, в городе оказалась высокая концентрация лиц из учетной категории так называемых бывших (особенно состоявших на особом чекистском учете офицеров, как кадровых, так и мобилизованных в годы Гражданской войны, служивших в антибольшевистских военных формированиях), работавших в «Сибках» на весьма высоких должностях. К этому добавлялась также и другая категория, попадавшая под надзор – ссыльные различных оттенков, часть которых, имевшая опыт и квалификацию в сферах умственного труда, по ходатайствам руководства хозяйственными и культурными учреждениями получала в них работу.

Не занимая «командных высот» в краевых органах управления, так называемые бывшие обладали ведущими позициями в сфере науки. В данном случае коммунистические деятели, в силу своего образовательного и общекультурного уровня, могли претендовать на первенство только в идеолого-гуманитарных направлениях (В.Д. Вегман, А.А. Ансон и некоторые другие) и выполнять общенадзорные функции в научно-образовательных и культурных проектах того времени (Общество изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС), краевой научно-исследовательский съезд, Сибирская советская энциклопедия (ССЭ) и др.). Объединяло эти совершенно разные страты одно – конструктивное сотрудничество. Разъединяло гораздо большее – оценки политики, методы управления и перспективы «социалистического будущего». Партийные (номенклатурные) и непартийные (интеллектуальные) круги взаимодействовали, но не сливались. Научное сообщество Новосибирска консолидировалось на принципах солидарности в профессиональной сфере, образах жизни и оценках реальности.

Поскольку партийный надзор не распространялся на жизненные и бытовые сферы ученых, то здесь надзорную функцию выполняли чекисты, используя старые испытанные методы агентурной разработки групп «антисоветской» интеллигенции, в том числе осведомление через завербованных лиц из «ближнего круга». Ранее названное «Паутиной» агентурное дело с 1932 г. приобрело форму разработок, так называемых отраслевых групп: «Плановики», «Географы», «Мелиораторы», «Растениеводы», «Мистики» и др., материалы которых подготовили почву для обширных арестов в рамках «белогвардейской организации» в 1933 году.

К документации основного следственного дела (20 томов) присоединены семь томов материалов надзорного производства, сформированного в 1957–1958 гг. для обоснования пересмотра и отмены приговоров по данному «делу», признанного сфальсифицированным. Этот корпус источников содержит информацию, в том числе о том, на каких основаниях фабриковались обвинительные заключения в отношении репрессированных ученых. Одни из них были причислены к руководящей группировке «белогвардейской организации», а именно профессора В.Г. Болдырев и Н.П. Шавров, доцент Г.И. Черемных, ученый-лесовод И.А. Лаксберг, экономист Г.А. Краснов. Ряд других ученых чекисты определили в число «руководителей» и «активистов» так называемых отраслевых вредительских организаций, в частности известные

специалисты и исследователи библиограф и ученый секретарь ССЭ П.К. Казаринов, химик Н.Я. Брянцев, зоолог М.Д. Зверев, юрист Б.П. Иванов, экономист Н.М. Тощий, археолог С.И. Орлов. Из общего числа осужденных Коллегией ОГПУ по указанному «делу» «активных участников» (225 чел.) тех, кто трудился в научно-образовательной сфере Новосибирска (по месту работы перед арестом – ВУЗы и НИУ), насчитывалось 23 человека. В ходе следствия и подготовки обвинительного заключения чекистам удалось достаточно примитивно обосновать наличие «отраслевых к.-р. вредительских организаций в области научно-исследовательской работы» якобы действовавших под руководством Г.И. Черемных и Н.П. Шаврова (бывшему генерал-лейтенанту и профессору В.Г. Болдыреву отводилась ведущая роль руководителя всей мифической организации).

«Вредительство» в научной сфере обосновывалось незатейливым образом, путем инверсии / переворачивания оценок тех мероприятий, которые осуществлялись во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов при ведущей роли Г.И. Черемных, В.Г. Болдырева, П.К. Казаринова и др. Так, деятельность Общества изучения Сибири, организация и проведение первого краевого научно-исследовательского съезда, создание ряда отраслевых НИУ и др. научные события, заслужившие высокую оценку современников и историков науки, объявлялись лишь прикрытием «контрреволюционной работы», будто бы проводимой Болдыревым и его единомышленниками. Столь грубая фальсификация чекистов была, хотя и в мягкой форме, дезавуирована следственной проверкой КГБ и Главной военной прокуратуры данного «дела» в 1958 г.: «Утверждение о том, что Болдырев и другие осужденные с ним лица в 1926 г. под видом проведения первого научно-исследовательского съезда Сибири впервые организационно создали антисоветскую организацию «Белогвардейский заговор», при проверке не подтвердилось» [3. С. 296]. Признавалась также и недостоверность обвинений Болдырева и «осужденных с ним лиц» в проведении «вредительства» в ОИС, ССЭ и других научных инициатив той эпохи [3. С. 297]. Проверка констатировала применение таких типичных приемов чекистской работы 1930-х гг., как подлоги и фальсификация протоколов допросов арестованных, использование внутрикамерной обработки арестованных и т. д. [3. С. 298–299].

Важной характеристикой поведения арестованных ученых в ходе следствия в 1933 г. является то, что из 225 чел., которым предъявлялось обвинение в «белогвардейском заговоре», 41 чел. отказался признать себя в этом виновными. Из числа так называемых руководителей «заговора» Г.И. Черемных, И.А. Лаксберг, Н.Я. Брянцев виновными себя не признали и категорически отрицали показания других арестованных об этом. Впрочем, даже те, кто соглашался давать «признательные» показания (В.Г. Болдырев, Н.П. Шавров, Г.А. Краснов, П.К. Казаринов) свою личную научную деятельность как «вредительскую» не оценивали.

Репрессии против группы ученых, обвиненных в принадлежности к мифическому «белогвардейскому заговору», повлекли за собой ряд крайне негативных для регионального научного сообщества последствий. Отраслевые исследовательские институты, где работали «изъятые» ученые, оказались либо реорганизованы, либо закрыты. Институт промышленных экономических исследований при крайплане, где до ареста работали Болдырев, Черемных, Брянцев, Новицкий и др., прекратил свою деятельность, а вместо него был организован НИИ экономики промышленности, транспорта и финансов. Созданный в 1929 г. Сибирский филиал Государственного химико-фармацевтического института, который возглавлял проф. Н.П. Шавров (помимо него аресту подвергся также ряд сотрудников вплоть до завхоза) был ликвидирован. В акте ликвидационной комиссии особо отмечалось, что под руководством Шаврова «проводилось вредительство, введенное в продуманную систему» [4. Т.11. Л. 322]. Однако, арестованный в 1933 г., но оставшийся в живых сотрудник института А. А. Яровой в 1957 г. в своих показаниях утверждал, что институт при минимальном бюджете уже с 1930 г. давал необходимую продукцию (работа с эфирными маслами, получение нового алкалоида из одной разновидности мака и т. д.) [4. Надзорное производство. Т. 5. Л. 104]. Аресты части редакторов разделов ССЭ (П.К. Казаринов, В.Г. Болдырев, Г.А. Краснов, Г.И. Черемных и др.), по сути, предрешили дальнейшую судьбу издания, которое оказалось незавершенным (последний пятый том остался в рукописи). Из арестованных в 1933 г. известных в Сибири ученых никто не остался в живых.

Часть из них расстреляли в регионе, других, оказавшихся в Соловках, в конце 1937 г. вывезли на материк, где также расстреляли. Главный инициатор «белогвардейского заговора» полпред ОГПУ по Запсибкраю Н.Н. Алексеев и его основные исполнители

(Залпетер, Жабрев и др.) были расстреляны в годы «Большого террора» «за нарушение социалистической законности». В отличие от них осужденные по «белогвардейскому заговору» в разные годы были реабилитированы. Изданные в Новосибирске в 1925 г. воспоминания В.Г. Болдырева «Директория. Колчак. Интервенты» ныне отсканированы и имеются в крупных библиотеках Сибири. Отсканированы все вышедшие тома (1-4) ССЭ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красильников С. А. «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири (по материалам архивно-следственного дела) // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2.

2. Папков С.А. «Белогвардейский заговор» в Западно- Сибирском крае в начале 1930-х гг. («дело генерала Болдырева») // Книга памяти жертв политических репрессий по Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1.

3. Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933– 1937): Сб. документов. Новосибирск, 2004.

4. Архив Управления ФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 7285.

Публикация: **Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия.** Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России (г. Новосибирск, 23 мая 2018 г.)